

УДК 882.01

Перечитывая «Предание о смерти Олега» («Повесть временных лет»)

З.А. Андрианова

«Предание о смерти Олега» – один из самых известных эпизодов «Повести временных лет». Известность и популярность предания особенно возросли после того, как в 1822 году А.С. Пушкин написал «Песнь о вещем Олеге», которая стала изучаться в средней школе (VI класс).

Интерпретация предания начинается с комментариев Н.М. Карамзина в «Истории государства Российского» (1816 г.) и продолжается до нашего времени (См.: «История Руси и русского Слова» В.В. Кожина. – М., 2001, с. 275-281).

Остановимся на более распространенных версиях о смерти Олега.

Н.М. Карамзин, пересказывая предание, выражает сомнение в его достоверности: «Можно верить и не верить, что Олег в самом деле был ужален змеею на могиле любимого коня его, но мнимое пророчество волхвов или кудесников есть явная народная басня, достойная замечания по своей древности» [1].

Поводом для сомнения могло послужить то, что в Начальном своде местом захоронения Олега названа Старая Ладога, а не Киев; предание о княжеском коне вообще отсутствует, а версия о смерти от укуса змеи дается с оговоркой: «Друзия же скажут, яко идущю ему за море, и уклону змиа в ногу, и с того умре» [2].

Сомнения в достоверности легенды высказывали и Н.И. Костомаров, видевший в предании об Олеге «признак древнего мифа» [3], и В.О. Ключевский, считавший предания «полуисторическими и полусказочными» [4], и академик А.С. Орлов, утверждавший, что предание о смерти Олега – «несомненная легенда» [5], и другие исследователи.

Особенно четко эта мысль была высказана А. Никитиным в статье «Олег. Князь или воевода?»: «Все это, конечно же, чистейшая выдумка, имеющая такое же отношение к исторической действительности, как переложение этого сюжета А.С. Пушкиным (Пушкин «Песнь о вещем Олеге»)» [6].

Однако исследователей волновал вопрос, что послужило основанием для возникновения подобной легенды? Академик А.С. Орлов высказывает предположение, что легенда об Олеге повторяет варяжскую былинку о богатыре Орвар-Одде, умершем от своего любимого коня Флакси [5, с. 94]. Возможность заимствования убедительно доказал А. Никитин, заметив «поразительное совпадение обстоятельств смерти Одда и Олега – соответствие саги («Одд со стрелами») вплоть до указания места происшествия – «за море». [6, с. 36].

Одду тоже была предсказана смерть от любимого коня. Но, в отличие от Олега, Одд отвел своего коня далеко от дома, убил его и навалил над ним высокий холм из песка

и глины. Так он решил освободиться от судьбы и тотчас же навсегда уехал из родного города. Сказитель не осуждает Одда, так как считает, что для викинга, мечтавшего погибнуть в бою, такая смерть представлялась мало почетной.

Однако предсказание сбылось. После бесконечных приключений (Одд был и на Руси, где пересеклись дороги Одда и Олега) под старость ему понадобилось побывать на родине, и он уже собирался снова покинуть родные края и направлялся со спутниками к кораблям, но, проходя по долине, споткнулся и, пошевелив в песке копьём, обнаружил конский череп, из которого выползла змея и ужалила его.

Признав сходство обстоятельств смерти Олега и Одда, исследователи разошлись во мнении, кто у кого заимствовал сюжет: одни считали, что северные сказители, знакомые с русскими летописями, заимствовали сюжет, который на самом деле возник на русской почве и является несомненным историческим фактом. Другие, напротив, предполагали здесь обратное заимствование и, скорее всего, были правы. Есть и третья точка зрения, согласно которой в обоих случаях использовали широко распространенный сюжет, известный в легендах и сказаниях самых разных народов: попытки избежать предсказания судьбы и смерть от «мертвой кости», активную функцию которой здесь принимает змея как посланница судьбы и потустороннего мира [6, с. 36].

Не менее распространена интерпретация предания и как доказательство неизбежности пророчества. Летописец после описания смерти Олега замечает: «Се же не дивно, яко от волхования сбывается чародейство» [2, с. 54]. Стараясь оправдать приведенную им легенду о смерти князя, в которой волхвы-язычники оказались правы, летописец прибегает к методу аналогий, ссылаясь на опыт всемирной истории, и приводит пространную выдержку из Хроники Амортюла, из которой следует, что пророческим даром могли обладать и нехристиане. Он вспоминает волхва Апполония Тианского, греческого философа, жившего во времена римского императора, Домициана (81-96 гг.), Симона-волхва, творящего чудеса, Менандра [2, с. 54-55].

Причем чудеса оцениваются им неоднозначно. Если это зло – вероятно вмешательство дьявола и бесов, но язычники могут нести и благо, и тогда они оказываются под действием благодати [7, с. 49].

В летописи довольно убедительно показывается, что с усилением государства идет его христианизация, распространяется просвещение, растет международный авторитет страны.

Исследователи разделяют точку зрения летописца, что основание государства было положено князем Олегом, правившим от имени Игоря. Именно Олег начал сплачивать славянские племена в единый народ, имеющий одну территорию и одну правящую династию, в которой власть передается от отца к сыну.

Летописец сообщает о том, как жестоко и вероломно овладел Олег Киевом после того, как он взял Смоленск и Любеч и там «посадил своих мужей»: «И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам отправился к ним вместе с младенцем. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де... мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к ро-

дичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», а когда вынесли Игоря, добавил: «Вот он сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли» [2, с. 39].

В.О. Ключевский объясняет, почему Олег притворился купцом: «В областном русском лексиконе варяг – разносчик, мелочный торговец, варяжить – заниматься мелочным торгом... Любопытно, что, когда неторговому вооруженному варягу нужно было скрыть свою личность, он прикидывался купцом, идущим из Руси или на Русь. Известно, чем обманул Олег своих земляков Аскольда и Дира, чтобы выманить их из Киева» [4, с. 147].

Исследователи обратили внимание на то, что обычно столь чувствительный к убийствам вообще, а к борьбе и гибели князей в особенности, летописец на сей раз не выразил никакой скорби. Он молчаливо соглашается с аргументацией Олега, нашедшего политический мотив, оправдывающий убийство Аскольда и Дира: государство должно быть едино и управляться соответственно единой властью, олицетворенной единой династией. Во имя этой великой цели убийство оправдано. Гибель двух правителей – ничто по сравнению с великими задачами исторического значения, которое исполняет, по мнению «Повести...», князь Олег, представляющий новое единое государственное начало, за которым стоит будущее Руси» [8].

В «Повести...» проводится идея божественного предназначения властителя, государя той или иной страны: «Бог дает власть кому хочет, ибо поставляет цесаря и князя Всевышний тому, кому захочет дать. Если же какая-нибудь страна станет угодной Богу, то ставит ей Бог цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судью, судящего суд. Ибо если князья справедливы в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло посылает Бог на страну ту, потому что князь-глава земли» [2, с. 155].

Именно с представлений о «праведности» оцениваются князья в летописи и резко разделяются на «справедливых», угодных Богу, и «окаянных», проклятых Богом за злодеяния. Оценки всегда конкретные и, как правило, всесторонние. Так, отзываясь с высокой похвалой об Олеге, Владимире, Ярославе, Всеволоде и особенно о Владимире Мономахе, в котором воплощен идеал князя, летописец подчеркивает не только их заслуги перед страной, но и их личные качества: мудрость Ольги, «незлобевость нрава» Изяслава, «ненасытность в блуде» Владимира, у которого «наложниц было триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести на Берестове, в сельце...», и который был «невежда, а под конец обрел себе вечное спасение», приняв христианство [2, с. 95].

Однако князья-язычники характеризуются довольно скупой, в основном отмечается их роль в становлении Руси. Исключение составляет лишь Святослав, который осуждается за то, что пошел против матери и остался язычником, и в то же время признается первым полководцем Древней Руси, принесшим своей стране великую славу.

Что же касается полуполюгендарного Рюрика, то в «Повести...» нет никакой его характеристики – ни прямой, ни косвенной, но отношение к нему летописца положительно, как к родоначальнику единой династии.

Олег тоже прямо не характеризуется, но описание его походов подтверждает его положительную роль в создании Русской державы.

История Киевского государства в языческий период рассматривается летописцами как подготовительный этап к величайшему, по их мнению, историческому акту – принятию христианства. Поэтому, хотя князья-язычники много сделали для возвышения страны, их жизнь в общем была несчастливой: «Олег скончался, укушенный змеей, Игоря убили древляне, Святослав погиб недалеко от Киева, сраженный печенегами. И только Ольга, принявшая христианство, и Владимир Святославович, крестивший Русь, приняли благодать, и княжение их было счастливо» [8, с. 188-189].

В современной историографии князьям Древней Руси уделено значительное внимание; всесторонне рассмотрены их генеалогические связи, военные походы, мирное строительство и т.п. В судьбах русских князей многое не вполне ясно, не вполне объяснимо, но мы разделяем мнение А. Никитина о том, что среди всех древних русских князей «Олег – самая загадочная и трудно объяснимая фигура начальной русской истории» [6, с. 32].

Такой же загадочной, на наш взгляд, является и смерть Олега.

Комментаторы «Предания о смерти Олега» обращали внимание на такие аспекты, как достоверность факта (историческая действительность или вымысел, легенда) язычество князя (поэтому такая смерть); возможность свершения пророчества (и язычники-волхвы могли предсказывать будущее).

Более чем за полтора столетия многое было заново прочитано в памятниках письменности Древней Руси, многое уточнено, тщательно изучены источники «Повести временных лет».

Однако ни одному исследователю смерть Олега, (в том виде, как она изложена в «Повести...») не показалась странной. Ее называли «чудесной» (Н.М. Карамзин), «удивительной» (В.Г. Мирзоев), «неизбежной данью судьбе, от которой человеку не уйти, как бы высоко он ни поднялся» (А. Никитин), но не странной.

А между тем смерть Олега не похожа на все другие княжеские «уходы из жизни». В истории любой страны мы найдем немало примеров преступлений, братоубийств, совершенных в борьбе за власть, из-за денег, по идеологическим соображениям, из мести, ненависти, ради защиты своей чести и достоинства. Человек получает смерть от врага, соперника, мстителя.

А здесь князь умирает от коня своего, от верного друга? Зададим себе вопрос: почему орудием убийства избран конь? Это никого из исследователей не интересовало. Рассматривалась очень тщательно личность Олега, доказывалось, «что существовало два Олега – «Старший» («Вещий») и его сын («Младший»)» (См.: Алексеев Сергей «Вещий Священный» (Князь Олег Киевский). – В кн.: Русское Средневековье. – М. 1999. Вып. 2, с. 4-24), а также исследования В.В. Кожина [9]. Уточнялось время и место гибели князя, но не способ убийства. Мало того, это считалось не главным, не заслуживающим внимания. А Никитин замечает: «Впрочем, и в Скандинавии, и на Руси в то время конь и конский череп играли большую роль в самых различных магических обрядах и верованиях. Конь был окружен почетом, был наделен даром предвещения,

использовался в различных гаданиях о будущем... Но сейчас именно эта сторона дела должна, пожалуй, интересовать нас менее всего. Олег мог быть Оддом и погибнуть от змеи; ему, как и Одду, могли присочинить такую кончину. И то, и другое касается только личной жизни Олега (подчеркнуто нами – З.А.), тогда как мы исследуем его историческое лицо» [6, с. 36].

Позволим себе не согласиться с утверждением исследователя, что смерть Олега – касается только его личной жизни.

Нам представляется, что прав Д.С. Лихачев, заметивший, что «В древнерусской литературе особенно часты художественно точные описания смертей... Смерть – наиболее значительный момент в жизни человека... и тут внимание к человеку достигает наибольшей силы» [10].

Не случайно «летописцы неоднократно ссылаются на могильные холмы как на достоверных и правдивых свидетелей точности их исторического повествования» [10, с. 47].

Легенда о Вещем Олеге связана с его могилой: «...есть же могила его и до ныне, слывет могилою Олеговой» [2, с. 55].

Значит, смерть Олега – исторический факт, а вот то, как погиб Олег и почему избран орудием убийства конь, – об этом в исследованиях не говорится. Попытаемся предложить свою гипотезу. Предположим, что Олег был наказан за жестокое и вероломное убийство своих «единоземцев» Аскольда и Дира. Именно в этом обвиняет его Н.М. Карамзин: «Простота, свойственная нравам IX века, позволяет верить, что мнимые купцы могли призвать к себе таким образом владетелей киевских, но самое общее варварство сих времен не извиняет убийства жестокого и вероломного» [1, с. 71].

И далее писатель замечает: «Олег, обгаренный кровью невинных князей, знаменитых храбростью, вошел как победитель в город их, и жители, уstraшенные самим его злодеянием и сильным войском, признали в нем законного государя» [1, с. 71].

Однако обвиняя Олега в убийстве Аскольда и Дира, Н.М. Карамзин не видит ничего особенного в такой смерти князя и не связывает смерть Олега с их смертью: «Олег совершил на земле дело свое – и смерть его казалась потомству чудесною» [1, с. 80]. Писатель считает Олега «основателем величия России», но все же замечает, что «кровь Аскольда и Дира осталась пятном его славы» [1, с. 81].

При всей мифологизации, легендарности в «Предании о смерти Олега» четко выражена мысль: умер от коня своего. Почему?

Если обратиться к сказкам и мифам индоевропейских, кельтских и славянских народов, то можно убедиться, что конь всегда олицетворял доброе начало. В.Я. Пропп, говоря о волшебных помощниках, помогающих герою достичь цели, называет коня, который всегда, «спешит на помощь своему владельцу», победить змея – олицетворяющего злое начало – помогает герою конь, только «конь может убить змея» [11].

В «Мифах народов мира» также подчеркивается благотворная роль коня, который «является атрибутом (или образом) ряда божеств. На коне передвигаются (по небу и из одной стихии или мира в другой) боги и герои. Общим для индоевропейских народов является бог солнца на боевой колеснице, запряженной конями, причем само солнце представляется в виде колеса» [12].

Конь как символ силы и жизненности широко использовался в качестве эмблемы: «В западноевропейской классической геральдике считалось, что конь совмещает в себе все лучшие свойства нескольких животных: храбрость льва, зоркость орла, силу волка, быстроту оленя, ловкость лисицы» [13]. Змею же «С введением христианства и особенно с распространением христианства среди народов Европы... стали считать символом ядовитости, зла и коварства» [13, с. 163].

А в «Словаре символов» Ганса Бидермана говорится о способности коней предсказывать будущее, это «сведующие в магии существа, они говорят человеческими голосами и помогают добрыми советами», Помогают даже после смерти: «Лошадиные черепа на фронтонах домов выполняли функцию охранительных амулетов» [14].

Почему такое благородное животное оказалось орудием убийства? Можно предполагать, что Олег наказан за вероломное убийство своих земляков, тем более, что, как доказали историки, Аскольд «вместе с определенной частью киевлян принял христианство не позже 867 года» [9, с. 127, 130]. Убийство было коварным, Аскольд и Дир не ожидали смерти от Олега, так и Олег не мог ожидать смерти от своего любимого коня – настоящего и верного друга. Конь умер, остался лишь череп, пустая оболочка, в которой поселилось зло, возвращенное владельцем. Олег наказал сам себя, боги не простили ему вероломства, он нарушил человеческую и божественную заповедь – убил невинных, доверившихся ему и не ожидавших такого вероломства людей. Это не простили ни языческие, ни православные боги: зло должно быть наказано.

Однако, на наш взгляд, более правдоподобна другая версия.

Обратим внимание на два момента, отмеченные исследователями. Прежде всего вспомним замечание Л.Н. Гумилева о том, что Олег не мог умереть от укуса змеи, так как змея не могла прокусить кожаный сапог князя, обычную для этого времени обувь всадника [15]. Это наблюдение служит историку основанием для утверждения, что предание – вымысел, легенда.

Однако попробуем посмотреть на это обстоятельство с другой стороны. В летописи четко сказано, что Олег умер от яда, т.е. был отравлен.

Если внимательно прочитать сказание, то можно обнаружить кое-что любопытное. Во-первых, редкий для древнерусской литературы прием обратной временной последовательности: сначала вопрос о судьбе коня, далее рассказ о том, почему расстался с ним, а потом смерть Олега. На это обратил внимание Д.С. Лихачев, характеризуя поэтику художественного времени в летописи [10, т. I, с. 261]. Нам кажется, что отсутствие в сказании прямой линейной временной последовательности – это композиционный прием, обусловленный содержанием повествования, смыслом происшедшего, стремлением автора соединить в летописном Олеге судьбу двух исторических лиц – Олега Вещего и его сына Олега «второго».

Заметим, что в историографии давно уже было высказано мнение, что Олег в летописях «явно «раздваивается»: Он выступает то в качестве воеводы при князе, то как полновластный князь; смерть настигает его и в Киеве, и «за морем»; сообщается даже о двух его могилах – в Ладоге и в Киеве» [9, с. 277]. О наличии двух Олегов писали видный историк М.Д. Приселков [16], М.И. Артамонов, автор трудов о Хазарском кага-

нате и о Руси [17], А.А. Шахматов, крупнейший исследователь русских летописей [18] и другие ученые, убедительно доказавшие, что на рубеже 930-940 годов правителя Руси звали не Игорь, а Олег [9, с. 277].

И именно Олег «второй» идет в 941 г. в поход на Византию: «Иде Олег на греки... и прихожа ко Царюграду» [19] и далее после поражения Олега, сообщается в Архангелогородском летописце: «Сей же Олег умре егда иде от Царягорода перешед море» [19, с. 57], т.е. после похода 941 г. Олег умирает, а в летописях Олег заменяется Игорем; «Замена Олега Игорем в рассказе о походе 941 года в византийских и западноевропейских источниках обусловлена, очевидно, тем, что Олег «исчез» после похода, а Игорь стал правителем Руси и вел последующие переговоры с Константинополем» [9, с. 284].

Известно, что именно Игорь заключил в 944 году мирный договор с Византией, который оказался «менее выгоден для русских, чем договор 911 г.» [9, с. 284].

То, что Олег был заменен в «Повести временных лет» Игорем, историки объясняют довольно просто и убедительно: «Дело в том, что к моменту составления «Повести временных лет» на Руси прочно установился порядок престолонаследия от отцов к сыновьям, и летописцы, надо думать, просто не могли иным образом представить ход дела после смерти Рюрика: его должен был сменить именно сын» [9, с. 276].

Эта мысль была высказана А.А. Шахматовым, который еще в 1908 году убедительно показал, что над составителем «Повести временных лет» тяготела «определенная тенденция. Русская княжеская династия должна получить ясную генеалогию: исторический Игорь должен быть связан с Рюриком... Рюрик – это родоначальник династии: боковые линии должны отпасть» [18, с. 316].

Но в устных преданиях говорилось об Олеге, и об Игоре, поэтому пришлось выстроить четкую линию – Рюрик – Олег – Игорь, но в летописях осталось много несовпадений, связанных, в том числе, и с судьбой Олега Вещего, умершего в 913 году, и Олега, организатора похода на греков в 941 году, умершего после похода «за морем».

После бесславного похода 941 года об Олеге ничего нигде не говорится, только скупо сообщается о его смерти в Начальном своде: «Друзия же скажут, яко идущю ему за море, уклону змиа в ногу и с того умре» [2, с. 429]. То есть Олег умер от яда. Как это произошло, об этом нигде ничего не сообщается.

Можно предположить, что Олег «второй» был отравлен византийцами, где этот вид смерти был довольно распространенным и обычным. Основанием для подобной гипотезы может служить характер военных действий войска Олега в Византии в 941 году. Исходя из летописных рассказов об этом походе, Л.Н. Гумилев пишет о зверствах русских воинов: «...начались такие зверства, которые были непривычны... Русы пленных распинали, расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа, жгли монастыри и церкви, несмотря на то, что многие русы приняли православие еще в 867 году. Все это указывало на войну совсем иного характера, нежели прочие войны X века. Видимо, русские воины имели опытных и влиятельных инструкторов» [15, с. 194-195] – имеются в виду инструкторы из Хазарского каганата.

Такое поведение князя, поощрявшего зверства, не могло остаться безнаказанным, и вполне вероятно, что он был отравлен, указана его могила – в Ладогe. Но необ-

ходимо было «забыть» об Олеге «втором», о его бесславном конце, и летописец «вспоминает» легенду о скандинавском викинге Одде и излагает ее в летописи, создав легенду о смерти Олега Вещего.

Таким образом, можно предположить, что в «Предании о смерти Олега», как и в летописном Олеге, совместились факты смерти двух Олегов: Олега Вещего, который умер своей смертью и похоронен в Киеве и Олега «второго», по мнению историков, его сына, который умер от яда и похоронен в Ладоге.

Нам кажется, что высказанное предположение могло иметь место.

Л и т е р а т у р а

1. *Карамзин Н. М.* Предания веков. Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского». М., 1989. С. 80.
2. Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М., 1978. С. 429.
3. *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Исторические монографии и исследования. Кн. 5, т. 13, СПб., 1904. С. 295.
4. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Соч. в 9 тт. М., 1987, т. I, ч. I. С. 16.
5. *Орлов А. С.* Древняя литература. XI – XVI вв. М.- Л., 1937. С. 94.
6. *Никитин А.* Олег. Князь или воевода? / «Наука и религия», 1991, № 6. С. 35.
7. *Златоструй. Древняя Русь X – XIII веков.* М., 1990. С. 49.
8. *Мирзоев В. Г.* Былины и летописи. Памятники русской исторической мысли. М., 1978. С. 172.
9. *Кожин В. В.* История Руси и русского Слова. М., 2001. С. 275-290.
10. *Лихачев Д. С.* Избранные работы. Т. II. Великое наследие. М., 1987. С. 27.
11. *Пропи В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
12. *Мифы народов мира.* Энциклопедия. М., 1987, т. I. С. 166.
13. *Похлебкин В. В.* Словарь международной символики и проблематики. М., 2001. С. 201.
14. *Ганс Бидерман.* Словарь символов. М., 1996. С. 153.
15. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 41.
16. *Приселков М. Д.* История русского летописания XI – XV веков. СПб., 1996. С. 18.
17. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 377.
18. *Шахматов А. А.* Размышления о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1907. С. 104.
19. *Полное собрание русских летописей.* Т. 37. Л., 1982. С. 57.